

СМЕРЧ И РАДУГА БЫТИЯ

Борис Мессерер. Промельк Беллы. Романтическая хроника.
М., «АИСТЕ», редакция Елены Шубиной, 2016

В своих мемуарах Вениамин Каверин упоминает эпизод гимназических псковских времен: учитель словесности сказал на уроке своим ученикам, что, проживая определенную эпоху, они должны осознавать себя не наблюдателями, а свидетелями. Для того, чтобы понять эти слова до конца, Вениамину Александровичу Каверину потребовалась едва ли не вся последующая жизнь, в которой он не замарал честь мундира русского писателя ни одним нечестным поступком, неизменно сохраняя главное — чувство собственного достоинства, не позволявшее унижаться, выслуживаться, мириться с несправедливостями.

Книга замечательного театрального художника Бориса Мессерера, представителя и достойного продолжателя славного рода известных едва ли не всему миру служителей искусства, читается на одном дыхании, несмотря на значительный объем, от которого нас всячески приучают нынче отвыкать. Откладывая поздней ночью книгу до следующего утра, не перестаешь жить в ее страницах, узнавая, припоминая, вновь переживая вместе с прославленными и не очень прославленными персонажами, чьи «промельки» складываются во фрагменты и твоей читательской, личной судьбы, все то, что довелось пережить, перестрадать, хотя бы прочитать прежде.

Эта прекрасная, глубокая книга написана не наблюдателем, а участником, чья человеческая сущность словно собирала, окружала себя и свой мир людьми-участниками, крупными, яркими, знающими цену тому, что зовется человеческим достоинством, честью, совестью.

«Исповедь сына века» — так немного высокопарно можно было бы назвать это повествование, позаимствовав его с полным правом у Альфреда де Мюссе, одного из

крупнейших представителей французского романтизма. Созданная им в двадцатилетнем возрасте книга тоже во многом может быть воспринята как «романтическая хроника». Но с весьма существенной разницей — «Промельк Беллы» написан не юношей, а зрелым мастером, много пережившим человеком, который (это отчетливо видно по книге) обладает редким даром использовать слово как карандаш или краски: портреты тех, с кем сводила Бориса Мессерера судьба, иногда предстают как штриховые карандашные наброски, иногда — подобны акварельным, чуть размытым рисункам, а порой (как, например, в случае с Сергеем Параджановым) — в ярком буйстве масляных красок...

Портреты, из которых складывается эпоха, доставшаяся на долю поколения, к которому принадлежит Борис Мессерер, или эпоха, что создает причудливые порой облики тех, кто естественно и просто «выламывался» из своего времени, оставаясь верным неизменным принципам русского интеллигента совсем не обязательно по крови — по убеждениям, по некоему моральному кодексу, который оказывался нарушаемым ничем.

И именно в этом смысле не рядом, а словно немного над временем, событиями, людьми витает образ, подобный почти неуловимому промельку, подобный тонкому аромату, рассеянному в воздухе. Образ выдающейся русской поэтессы советской эпохи Беллы Ахмадулиной, приобретшей далеко не случайную славу во всем мире — неуловимо-нездешний, старомодно-матерный, остро воспринимающий любую несправедливость, любое посягновение

на свободу человеческой личности, живущий по раз и навсегда усвоенному кодексу чести: не мириться с несправедностью, щедро дарить себя, преданно любить друзей, вступаться за оскорбленных и гонимых, не думая о собственном будущем.

Как представляется, Ахмадулина была для Бориса Мессерера не только женой, единомышленницей, бесконечно близким человеком, но и своего рода мерилом поступков — порой немного наивных, порой несколько высокопарных, порой трогательных в своей почти детской естественности и простоте, но предельно искренних и честных во всем и всегда. В книге множество эпизодов, в которых подробно повествуется об отношениях поэтессы к друзьям и к почти незнакомым людям, к природе и к искусству, к музыке, состоящей из звучащих нот, и к музыке сливающихся воедино слов. Обладая тончайшим слухом (слухом души!), Белла Ахмадулина столь блистательно переводила великих грузинских поэтов, что стихи их и сегодня воспринимаются как созданные на русском языке, олицетворяя собой ту необходимую «химию слов», о которой, по воспоминаниям Г. Кузнецовой, говорил И.А. Бунин.

И замечательной авторской «находкой» становятся в книге «Промельк Беллы» две стилистические, эмоциональные стихии: воспоминания, повествования, письма Ахмадулиной и — текст Бориса Мессерера. Поэт говорит и пишет сложно, немного витиевато, в усвоенном для себя навсегда нарочито старомодном стиле. Художник рассказывает просто, иногда прибегая к скороговорке, иногда словно невольно углубляясь в тему или в создание облика человека, близкого ему по духу, по строю мыслей.

И вновь любуешься, упиваешься этими мастерскими карандашными штрихами или акварельными портретами Владимира Набокова, Булата Окуджавы, Майи Плисецкой, отца художника, выдающегося артиста и режиссера балета Асафа Мессерера, его матери Анели Судакевич, актрисы немого кино, а позже — уникального мастера театрального костюма, Александра Володина, Евгения Рейна, Андрея Битова,

Юрия Любимова, Олега Ефремова, Михаила Барышникова, Венедикта Ерофеева, Игоря Кваши, известных грузинских поэтов, художников, артистов театра и кино.

Всех не перечислить — лучше прочитать книгу. И к концу этого неотрывного чтения осознать: жизнь наша и состоит, в конечном счете, из промельков, которые память цепко ухватывает и оставляет уже навсегда; которые ускользают, оставив по себе слабую тень чего-то бывшего, произошедшего в судьбе...

Есть в этой замечательной книге эпизод, когда Ахмадулина вспоминает свои начальные школьные годы. К ним пришел с фронта новый учитель рисования и предложил ученикам нарисовать День Победы. Кто-то старательно рисовал самолет, кто-то — танк, а Белла взяла сразу все карандаши, что были в ее распоряжении, и создала яркую, разноцветную, радостную картину довольно абстрактного содержания и — получила за свой рисунок пять с плюсом, чему была несказанно изумлена.

Этот эпизод напомнил мне, как единственный раз в жизни я видела смерч на Волге, в Плесе. Внезапность огромного столба воды на фоне потемневшего неба, его стремительное движение по середине реки вызвали одновременные восхищение и ужас, словно сама природа вдруг решила показать всем нам, жалким людишкам, свою силу и власть. Столб укатился, началась короткая, но очень сильная гроза, которая завершилась яркой радугой, перекинувшейся через все небо над Волгой, подобно надежному мосту.

Почему именно это вспомнилось? Потому что книга Бориса Мессерера, рисующая целую эпоху, настолько же горька и страшна по своей сути, как пронесшийся смерч. Но — и это самое главное! — после ее прочтения остается ощущение дара яркой радуги, соединяющее своим выгнутым мостом близких по духу, по силе сопротивления обстоятельствам людей. Они находят друг друга, обязательно находят в смуте нашего бытия. И этим — благополучны...

Наталья СТАРОСЕЛЬСКАЯ